

Я родился на многострадальной Орловщине через 6 лет после победных залпов Великой Отечественной войны. Отец, Павел Устинович Титков, был призван в Красную Армию Шаблыкинским райвоенкоматом 24 июня 1941 года. Ему исполнилось тогда 27 лет, в семье с матерью оставалась дочь Зина полутора лет и ещё не родившийся сын: мать была на седьмом месяце беременности. Уже в июле 1941 года отец оказался под огнём немецкой артиллерии. В первом боевом крещении отец, до этого почти атеист, уверовал в Бога. Рядовой, связист-проволочник 452-го Отдельного линейного батальона связи, он участвовал во многих крупнейших битвах Великой Отечественной войны: сражался под Москвой, освобождал Белоруссию и Прибалтику, отличился в боях в Восточной Пруссии, за что был награждён орденом Красной Звезды и принят в партию коммунистов. Принимал участие в штурме и взятии города Кенигсберга, а в апреле-мае 1945 года штурмовал Берлин.

Самой трагической страницей в его военной биографии стал день 9 мая 1945 года. Уже подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Но в одном из кварталов немецкой столицы крупная часть фашистов, укрывшись в огромном пятиэтажном особняке. Немцам предлагалось сдаться в плен. Они отвечали огнём из стрелкового оружия. И вот 452-й отдельный батальон связи в составе пехотных частей получил приказ овладеть особняком. В 10 часов утра солдаты поднялись в атаку. Немцы ответили ураганным огнём. Вместе с другими бойцами мой отец бросился вперёд, и через несколько минут рядом с ним упал его друг. С этим парнем из соседнего села, они воевали с 24 июня 1941 года. И надо же было потерять его в День Победы!

Взятие Берлина не стало для моего отца последним эпизодом в войне. Ещё несколько месяцев он оставался в Германии: наши солдаты восстанавливали разрушенные в ходе боёв немецкие железные дороги. Он пришёл из Германии в родное село Глыбочка в конце ноября 1945 года. Пришёл пешком, имея боевые трофеи – две немецкие стальные бритвы и русскую гармонь германского производства. Военская часть, в которой служил отец, должна была выехать из Германии эшелонам глубокой зимой 1945-1946 годов: график вывода советских войск был плотным, а русские солдаты рвались домой. Командование разрешило возвращаться пешком. И бойцы части, в которой служил отец, пошай. Строем, вооружённые винтовками, прошли Германию, Польшу. В Бресте сдали оружие, и им зачитали приказ о расформировании части. Дальше каждый возвращался домой самостоятельно – без вещевого и продовольственного обеспечения. Уже в третий раз за годы войны отец прошёл Белоруссию. Но когда подошёл к родному

села, то был потрясён: села не было. Всё сожжено гитлеровцами летом 1943 году, когда они отступали. Оставшиеся в живых ютились в землянках, сохранившихся погребах. С матерью выжила лишь дочь. Отец так и не увидел сына Женю, родившегося вскоре после его ухода на фронт: переживший голод 1941-1942 годов, страшную эвакуацию 1943 года, ослабленный мальчик умер от болезни в 1944 году. Это в его честь мать, тяжело пережившая потерю, назвала меня, родившегося через шесть лет после Великой Победы.

Матери, Марии Фёдоровне, в 1941 году, когда наше село оказалось под фашистами, было 29 лет. Она росла с двух лет без отца, который в 1914 году был призван в Русскую армию, воевал на различных фронтах Первой мировой войны, возвращаясь домой в 1918 году, заболел тифом и вскоре скончался. К 1941 году мать потеряла 6 детей, умерших от болезней и голода. Сама она в 1930-е годы прошла школу ликбеза, с трудом могла расписываться. При немцах, а в нашем селе располагалась какая-то штабная команда человека в 12-15, односельчане возложили на мать обязанности председателя подпольного колхоза, в котором числились женщины и старики. Они обрабатывали некоторые участки земли, выращенный урожай частично передавали партизанам: рядом, в нескольких километрах, начинались знаменитые Брянские леса. По ночам партизанские ходки, один из них был маминым родственником, приходили в село за продуктами. Дом наш находился на самой окраине, ближе всего к лесу. Отсюда они тайно уносили к себе в отряд хлеб, картофель, свеклу. Риск был велик: за сотрудничество с партизанами немцы расстреливали незамедлительно, дома сжигали.

Летом 1943 года развернулось грандиозное сражение на Орловско-Курской дуге. Расположенный в нашем селе немецкий гарнизон, отступая с захваченной территории, вывозил из Советского Союза какие-то важные документы. Местных жителей немцы решили использовать в качестве живого щита. Собрали женщин, стариков, детей – и пешком погнали в западном направлении. Таким образом, дошли до Белоруссии. Наша авиация несколько раз обнаруживала отступающую гитлеровскую колонну, но бомбить не рисковала. Немцы прятались в середине колонны, а по её внешнему контуру шли женщины, дети и старики. На руках у матери был двухлетний сын Женя, а дочь Зина, которой не исполнилось ещё 4 года, шла самостоятельно. Лишь осенью колонну нашим частям удалось остановить – около городка Кричев. Советская авиация разбомбила впереди мосты, стрелковые части освободили заложников.

Тем же путём, пешком возвращались домой. Измождённые, подошли к своему селу, а его не оказалось – сожгли отступавшие немцы. Церковь в честь иконы Успенской Божией Матери взорвали. Даже при отступлении фашисты не жалели взрывчатки. Было взорвано и здание сельской школы, в которой жили сами немцы два года. В ноябре 1943 года уже прочно лежал снег. Раскопав его, поселились в уцелевших погребах. Спрятанных там продуктов и вещей не было – их расхитили жители окружающих деревень. Для детей на земляной пол постелили собранный в округе хворост, кое-какое тряпье. Мать всю зиму спала по ночам, сидя на обручке бревна, – не на что было прилечь в тесном и холодном погребе. Нередко по утрам не могли открыть лаз из погреба: снега выпадало много, а у изголодавшихся людей не хватало сил, чтобы откинуть крышку. Иногда, задыхаясь от нехватки воздуха, сутками сидели в погребах женщины и дети, ожидая, когда кто-либо из более крепких стариков, выйдя из своего погреба, откопает соседей.

Весной вышли в огороды. Семян осталось крайне мало, делились друг с другом тем, что у кого уцелело. Надо было строить жилища – на первый случай обыкновенные землянки. Лес Брянской зоны в нескольких километрах, привезти из него что-то не представлялось возможным: не было на чём. На окраине села находилась дубовая роща, в которой росли и другие деревья. Люди начали заготавливать древесину, но загремели взрывы. Отступая, немцы заминировали рощу, поля, огороды, овраги. Как потом рассказывала мать, много людей от мин полегло.

Брат Александр родился ровно через 9 месяцев после возвращения отца из Германии. В свидетельстве у него стояла дата, на 10 дней сокращавшая реальный день рождения. Оказывается радостный отец целых 10 дней со своей гармонью, отплясывая у родственников, знакомых и друзей, добирался до Сомовского сельсовета, чтобы зарегистрировать своего первого по-

слезоенного ребёнка. Вот так радовалась появлению детей в голодные годы русские солдаты в разрушенной врагами России.

Многие годы мы жили в нищете – поднять разрушенное хозяйство было непросто. Малышом я ползал по земляному полу. Зимой по вечерам в избе собирались сельские мужики. Курили много, никогда не выпивали. Мы с братом на русской печи слушали фронтовиков. Отец был неплохим рассказчиком и некоторые военные истории, поведанные им тогда, я помню до сих пор. Особенно врезался в память эпизод, как отец стал верующим человеком. Было это так. Когда воинское подразделение, в котором служил отец, накрыла вражеская артиллерия, он упал, прижался к земле и впервые мысленно обратился к Богу примерно с такими словами: «Господи, если мне суждено погибнуть, сделай так, чтобы я погиб без мучений. Но лучше, Господи, сохрани мне жизнь, избавь от ранений, а я буду честно и добросовестно воевать с немцами». Когда закончился артиллерийский налёт, наступила передышка, он поднялся с земли без единой царапины. А вокруг страшное зрелище: изуродованные люди, стоны, крики, рыдания солдат и офицеров. С этого момента отец уверовал, что Господь услышал его.

Отец вспоминал, как прорываясь из окружения летом 1941 года, шли они по ночам по болотам Белоруссии. Днём прятались. Чтобы не попасть к гитлеровцам часами находились в воде, дыша через камышовую тростинку. Ночью пробирались мимо редких деревень. Страдали от голода. Во всех сёлах стояли немецкие гарнизоны. Отец и некоторые его товарищи приползали в деревни, просили что-нибудь поесть. Женщины отдавали последнюю краюху хлеба, и, перекрестив опухших от голода бойцов, просили поскорее покинуть деревню, чтобы не попасть в лапы к немцам. Однажды женщина сказала: «Ребята, уползайте скорее в лес, в моей хате 12 немецких солдат». Её четверо ребятешек ютились в сарае. Вот так пешком, ползком отец прошёл Белоруссию с запада на восток в 1941 году. Вышли к своим, не потеряв табельного оружия. Проверка особого отдела была быстрой. Вскоре батальон встал на оборону Москвы. С востока на запад отец пройдёт через Белоруссию в 1943-1944 годах, освобождая её от фашистов.

Тысячи раз приходилось рядовому 452-го Отдельного батальона связи восстанавливать проволочную связь во время артиллерийских и авиационных бомбёжек. Несколько его друзей-связистов погибли, а он лишь иногда отделялся лёгкими контузиями. Как только начинался артобстрел или бомбёжка, отец прижимался к земле и обращался к Богу с молитвой сохранить ему жизнь... Спустя годы мы, его дети, пришли к выводу, что он выжил на войне благодаря заступничеству небесного своего покровителя апостола Павла – отец родился 12 июля 1914 года в день апостолов Петра и Павла.

Не могу не поделиться ещё одним воспоминанием отца. Когда 24 июня 1941 года призывников провожали на фронт, какая-то бабушка подошла к нему и, передавая сложенную многократно бумажку, сказала: «Сынок, читай эту молитву, и Господь поможет тебе в трудную минуту». Отец эту бумажку сохранил при переодевании в солдатскую форму. Такую же бумажку бабушка вручила ещё одному призывнику, с которым отец оказался в одном подразделении. При отступлении в августе 1941 года на одном из привалов, этот боец достал из гимнастёрки записку и сказал: «Какая-то бабка сунула мне бумажку – «Молись, сынок». Не молился, и молиться не собираюсь». Разорвал записку на мелкие клочки и бросил на землю. В этот момент неподдалёку неожиданно разорвался вражеский снаряд. Осколок поразил не собиравшегося молиться солдата прямо в сердце. Больше никто не пострадал. Отец после трагического эпизода тайком читал молитву и бережно хранил записку на протяжении всей войны. К сожалению, мы так и не узнали, что же это была за молитва. Скорее всего – «Живый в помощи...».

В школьные годы перебирая отцовские документы военной поры, я с удовольствием читал грамоты Верховного Главнокомандующего, Наркома обороны СССР И.В. Сталина об объявлении благодарности бойцам Красной Армии за оборону Москвы, за бои в Белоруссии и взятие города Витебска, за бои в Восточной Пруссии, за штурм и взятие города Кенигсберга. Меня особенно привлекала орденская книжка и сам орден Красной Звезды, которым отец был награждён в 1945 году. Для награды рядового бойца Красной Армии таким боевым орденом требовались веские основания. Мне хотелось узнать, за что же конкретно был награждён отец. И вот совсем недавно,

когда были опубликованы документы военной поры, мне посчастливилось наконец-то прочитать представление командира 452-го Отдельного линейного батальона связи. В нём говорится: «...19.01.45 г. В районе Лампонен-Фагнит при постройке кабельно-шестовой линии связи, несмотря на арт. огонь противника, выполнял обязанности ломоты... (неразборчиво), личным примером увлекая остальных на своевременное выполнение боевого задания. 21.01.45 г. В р-не Нойкирх под артиллерийским обстрелом противника устранил 9 повреждённых линий связи, чем обеспечил своевременную связь ответственного направления. 7.04.1945 г. в р-не Вальдартен, стараясь остановить продвижение наших войск, противник вёл сильный арт.миномётный огонь и разрушал линию связи. Зная, что от бесперебойной связи зависит управление войсками на поле боя, тов. Титков, находясь под обстрелом противника, устранил за 3 часа 17 повреждённых линий связи. За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество тов. Титков достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды».

Помню, как однажды отца спросили: «Павел Устинович, ты веришь в Бога, как же тебя приняли в партию?» «Наши командиры и политработники не были дураками, чтобы на фронте задавать вопросы о вере в Бога. Но если бы меня спросили, я бы честно ответил, что в Бога верю. А в партию приняли только потому, что я отличился в боях в Восточной Пруссии». Вот так, будучи верующим человеком, отец был ещё и дисциплинированным коммунистом, порядочным тружеником-колхозником. После войны некоторое время в нашей избе-землянке располагалась контора колхоза «Ударник», и партийный секретарь потребовал убрать иконы из «красного» угла. Отец ответил: «Это иконы моей жены, они помогли ей выжить в оккупацию. Я не позволю их тронуть». На угрозу – положить партбилет, ответил, переходя на «ты»: «Не ты мне его выдавал, не тебе и отнимать».

Отец трагически погиб в мирное время – сорока трёх лет. Мать «тянула» нас троих, работая в колхозе имени Калинина. С утра до вечера на полях. Зарплату не выдавали, ставили «палочки» – так называемые трудодни. Выживали за счет личного подсобного хозяйства, в котором огород играл главную роль. Держали и скотину – корову, поросят, имелись куры. До конца 1960-х годов село, подвергнувшееся оккупации, сожжённое фашистами, не могло встать на ноги. Я в 1969 году я приехал учиться в Горький, и при поездках на уборку урожая был потрясён основательностью и относительным достатком в сёлах Горьковской области. У нас же было не так сытно и благополучно. Солому на крыше своего дома мать смогла заменить на шифер лишь в начале 1970-х годов, а колючую немецкую проволоку использовали на огородах до середины 70-х.

Война коснулась многих близких. Среди родственников по линии отца и матери не было ни одной семьи, которую бы не опалила война. Один из родственников в боях за Днепр был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Он погиб в воздушном бою с гитлеровскими истребителями в небе Украины осенью 1943 года через две недели после вручения ему звезды Героя. По храбрости он напоминал моей матери её отца, Георгиевского кавалера Первой мировой войны. Не было ни одной семьи, в которой бы не было погибших или раненых. Но было немало и тех, кто с боями прошёл до Германии, вернулся домой и потом честно трудился на благо спасённой Родины. Были мои родственники и среди брянских партизан.

Наряду с немцами в захваченных районах стояли и венгерские тыловые части. И надо отметить, что мадьяры по жестокости своей в обращении с местным населением ничуть не уступали немцам: грабили, издевались, насиловали, убивали. Хотя вояками они были послабее. Во второй половине 1960-х годов я учился в 9-10 классах Навлянской школы № 2. Район был небольшой, но в 1941 году, когда немцы и венгры захватили Брянщину, многие взрослые жители, способные носить оружие и не обременённые малыми детьми, ушли в леса. Было создано 14 партизанских отрядов и соединений. Районный комитет партии ушёл в подполье, организовывал и координировал борьбу партизан и подпольных групп народных мстителей. Я до сих пор помню фамилию первого секретаря подпольного райкома партии – Александра Суслина. В центре районного города Навля располагается парк имени Михаила Князева, а при входе в него стоят вековые сосны, из которых на

большой высоте торчат металлические скобы: здесь были повешены парни и девчонки, выпускники 1941 года. В сентябре 1943 года фашисты арестовали комсомольское подполье, в состав которого входили бывшие десятиклассники местной школы. Руководителем у них был Миша Князев. Этих ребят не взяли в армию в 1941 году по возрасту, и они создали свою подпольную организацию. Почти два года помогали партизанам и Красной Армии: собирали сведения о проходящих через Навлю фашистских эшелонах, распространяли листовки.

В период Сталинградской битвы для гитлеровцев особое значение приобрела железная дорога Брянск – Льгов, проходившая через Навлю. По ней ежедневно проходило до 30-40 эшелонов с войсками грузами. Диверсионные группы партизан непрерывно пытались вывести её из строя, но оккупанты быстро устраняли повреждения. Чтобы сорвать перевозки на продолжительный срок, следовало разрушить мост через реку Навля. Мост представлял собой цельнометаллическую конструкцию длиной 88 метров на двух береговых опорах. Подрыв такого моста требовал искусства и большого количества взрывчатки. Такую задачу и поставил Центральный штаб партизанского движения в июне 1942 года Брянскому Штабу партизан. Осуществление её было возложено на Брянский районный и Навлинский партизанский отряды под общим руководством М.П. Ромашина, имевшего к этому времени опыт разрушения 5 железнодорожных мостов. В разработке плана участвовали А.М. Пайтаров, Н.П. Аржакин, А.М. Медведев и специалист по подрывному делу навалинец А.И. Ижукин. В течение полутора месяцев подрывники отработывали варианты решения поставленной задачи. Предложение взорвать мост без захвата его не подходило, поскольку партизаны не располагали легкой вагонеткой, чтобы подкатить заряд к мосту. Попытка спустить мину на плоту также не удалась: противник установил специальные заграждения на реке. Оставалось лишь одно – бой.

Учитывая важность этого объекта, противник предпринял необходимые меры предосторожности. В охране моста насчитывалось до 90 человек, из которых половина располагалась в караульном помещении в непосредственной близости от моста, остальные в казарме на расстоянии 300-400 метров к востоку. Кроме того, на станции Навля в километре к северу от моста размещался гарнизон в 650 человек. Все подходы к объекту простреливались из 6 дзотов, соединённых между собой и с караульным помещением траншеями. Прямо на мосту выставлялся пост из 2 часовых. По железнодорожному участку периодически курсировал бронепоезд. На основе этих данных, частично выявленных в том числе и навалинскими комсомольцами-подпольщиками, был составлен план действий. Замысел состоял в том, чтобы одновременным ударом как по охране моста, так и по расположенным вокруг него гарнизонам сковать силы противника и тем создать группе минёров условия для производства взрыва. Все привлекавшиеся силы партизан были разбиты на 8 групп от 10 до 40 человек. Каждой намечен объект нападения. Первой, второй и пятой группам в составе около 50 человек предстояло подавить дзоты, уничтожить охрану, находившуюся в караульном помещении, и дать возможность подрывникам приступить к работе. Чтобы достичь внезапности нападения, требовалось бесшумно снять часовых. Поэтому в первую группу входил снайпер Гельди Курбан, вооружённый винтовкой с приспособлением для бесшумной стрельбы. За группами нападения следовали подрывники и подносчики тола под командованием Н.П. Аржакова и А.И. Ижукина. Остальные четыре группы имели задачу активными действиями отвлечь на себя резервы противника, лишит его возможности оказать помощь охране.

12 сентября 1942 года около 3 часов ночи все группы заняли исходное положение. По сигналу Г. Курбана, бесшумными выстрелами убравшего часовых, партизаны стремительно бросились к дзотам и казармам. Вслед за ними, не ожидая, пока кончится бой с охраной моста, устремились подрывники. На рассвете мощный взрыв потряс округу. Задача была выполнена. В том числе и за эту операцию навалинец А.И. Ижукин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Он вырос в настоящего мастера подрывного дела, усовершенствовал конструкцию мин и разработал наиболее точные приёмы применения их во вражеском тылу. Его боевая группа пустила под откос 11 вражеских эшелонов, взорвала 18 мостов, в том числе 9 железнодорожных, склад боеприпасов, подорвала 20 автомашин. Истребила более 3

тысяч немецких солдат и офицеров, уничтожила 20 танков и около 120 автомашин, не менее 10 вагонов с боеприпасами. На специально созданных курсах А.И. Ижукин подготовил 40 подрывников, *каждый из которых имел на своём счету от 2 до 5 пущенных под откос эшелонов врага*. Вот такие герои партизанской войны проживали в Навае в те годы, когда я обучался в школе № 2, носившей имя Тамары Степановой.

Тамара Степанова в 1941 году окончила 10 классов Навлинской средней школы и вместе со своими одноклассниками входила в состав комсомольской подпольной группы. На школьные мероприятия в 1960-е годы часто приходила её мать, которую мы любили. Она рассказывала о своей дочери и её друзьях.

Решением исполкома Навлинского районного Совета депутатов от 29 августа 1957 года парку культуры и отдыха в районном центре было присвоено имя Миши Князева. Улица Луговая была переименована в улицу «им. Марии Дунаевой». Следует отметить, что в названиях улиц и переулков п. Наваля были закреплены имена Дуси Рябых, Ваи Калининой, Марии Дунаевой, Александра Суслина, Липы Карповой, Виктора Майбородского, Дмитрия Емлютина, Леонида Гарсия, Петра Берсенева, генерала В.А. Петренко и многих других.

В братской могиле в урочище Трусова гора покоятся 276 жителей п. Наваля и района, замученных фашистами в 1941-1943 г.г. Особенно много жителей погибло в мае 1943 года во время карательной операции оккупантов и местных коллаборационистов, проведённой ими в связи с наступлением партизан. Фашисты организовали в парке в районе клуба «им. Серго Орджоникидзе» концлагерь, куда сгоняли мирных граждан за колючую проволоку. В 1966 году на этом месте установлен памятник, где на мраморной доске запечатлены слова: «На этом месте в мае 1943 г. были зверски расстреляны немецко-фашистскими захватчиками около 300 стариков, женщин и детей».

Десятилетия земля наша, начинённая гитлеровскими извергами минами и снарядами, воевала против своего народа. Помню, как в середине 60-х годов нас почти ежемесячно строил на школьной площадке директор школы Пётр Михайлович Кирюшин и зачитывал приказы РОНО, в которых говорилось о ЧП в той или иной деревне.

Мои родственники, друзья и знакомые, родившиеся на Орловской и Брянской земле после войны, почти все крещены в крестьянских избах, потому, что на Орловщине на сотни вёрст округ не осталось ни одной церкви: все они разрушены собственными вандалами в 20-30-е годы XX века, либо были взорваны фашистами при отступлении в 1943 году. Немцы надеясь истребить в душах русских людей православный дух, патриотизм и преданность родной земле. Но им это не удалось сделать. Наши отцы, матери, деды, пройдя через чудовищные испытания, сумели сохранить в себе веру, мужество и совесть. Всё это они передали детям и внукам. Нам остаётся лишь быть верными их заветам и не предавать их память.